

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ДИАЛЕКТОВ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

М. З. ЛЕВИНА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Любой язык, будучи сложной системой, включает в себя, с одной стороны, литературную норму данного языка, а с другой – его говоры и диалекты. Совокупность говоров рассматривается как некая макросистема территориальных вариантов языка, внутри которой исследуются как отдельные варианты (частные диалектные системы, реально присутствующие в речи жителей той или иной местности), так и их совокупности (группы говоров, наречия), представляющие собой результат обобщения языковых черт, фиксируемых в речи жителей более обширных территорий. Специфические черты диалектов появились в результате неравномерного их развития, что вызвано действием локализованных, характерных для того или иного диалекта или группы диалектов так называемых внутренних закономерностей, а также конкретных исторических и географических условий.

Диалекты мордовских языков распространены на больших пространствах Волго-Окского междуречья и Заволжья вплоть до Южного Урала. Граница между мокшанскими и эрзянскими диалектными зонами не является сколько-нибудь определенной линией, эти зоны размываются пограничными переходными и смешанными говорами, на территории которых в разной степени распространяются окраинные отрезки ареалов языковых явлений, порознь свойственных тому или иному диалекту. А. П. Феоктистов подчеркивал: «В отдельных диалектах до сих пор продолжают сохраняться архаичные элементы, восходящие к общемордовскому источнику, а иногда даже к финно-угорскому языку-основе» [8, 74].

Глубокое и всестороннее изучение диалектных групп мокшанского и эрзянского языков связано с именами М. Е. Евсевьева [4; 5], И. Г. Черепкина [14], Д. В. Бубриха [1; 2], Н. Ф. Цыганова [13], А. П. Феоктистова [8; 9; 15], С. З. Деваева [3], Д. В. Цыганкина [10–12], Г. И. Ермушкина [6]. Диалектные различия рассматривались в работах М. Н. Коляденкова, Д. Т. Надькина, М. В. Мосина, О. Е. Полякова, К. И. Ананьиной, Т. И. Ломакиной, С. И. Липатова, Р. В. Бабушкиной, Ю. Н. Азрапкина, А. М. Харитоновой, Г. С. Ивановой, Н. Ф. Кабаевой, Т. А. Плаксиной, М. З. Левиной, Т. Д. Блашкиной и др.

Один из первых мордовских ученых, М. Е. Евсевьев, считал, что изучение говоров во всем многообразии их даже самых малых диалектных отличий, во всей сложности междиалектных отношений – первейшая задача национального языкознания. Результатом многолетних наблюдений над мокшанскими и эрзянскими говорами является его труд «Основы мордовской грамматики», где рассматриваются ареалы распространения мокшанских и эрзянских диалектов. Автор констатирует: эрзя проживает в Беднодемьяновском, Саранском и Городищенском уездах Пензенской губернии; Арзамасском, Сергачском и Лукояновском уездах Нижегородской губернии; Кузнецком, Петровском, Хвалынском, Вольском и Саратовском уездах Саратовской губернии; Самарском, Ставропольском, Мелекесском, Бугурусланском, Бузулукском и Пугачевском уездах Самарской губернии, Чувашии, Татарстане, Башкирии. Территория расположения мокши находится главным образом в

Краснослободском, Рузаевском, Наровчатском, Городищенском и Беднодемьяновском уездах Пензенской губернии. В прочих местностях выявляются отдельными селениями, разбросанными между эрзянами [5, 14–16].

Первая попытка классификации мокшамордовских диалектов была предпринята в 1930-е гг. И. Г. Черапкиным в исследовании «Диалекты мордвы-мокши бывшей Пензенской губернии», где выделяются три диалектных типа: краснослободско-темниковский, инсарский, спасский. В основе классификации лежит территориальное расположение (бассейны рек): носители краснослободско-темниковского диалекта проживают в бассейне Мокши; инсарского – в бассейне Иссы; носители спасского диалекта – в бассейне Вада и Парцы. Границы диалектов автор проводит условно: так, границей краснослободско-темниковской и инсарской групп является лес; краснослободско-темниковской и спасской – р. Явас. Среди языковых особенностей И. Г. Черапкин выделяет: 1) фонетические – наличие или отсутствие гласной переднего ряда *ä*; 2) морфологические – наличие и отсутствие личнопрытяжательного суффикса *-ñäšk*; 3) лексические – отсутствие или наличие некоторых лексем [14].

Классификацию И. Г. Черапкина уточнил и дополнил А. П. Феоктистов в работе «Мордовские языки и их диалекты. На основе фонетических и грамматических особенностей местных языковых систем он выделил следующие диалекты мокшанского языка: северный, сосредоточенный главным образом на территории Темниковского, Краснослободского, Ельниковского, бывших Пурдошанского, Рыбкинского, Мельцанского, частично Старошайговского, Атюрьевского и частично Ковылкинского (который граничит с Краснослободским) районов; юго-западный, охватывающий территории Zubovo-Полянского, Торбеевского, бывшей части Ковылкинского районов; юго-восточный, распространенный на территории Инсарского, Кадошкинского, Рузаевского районов [8].

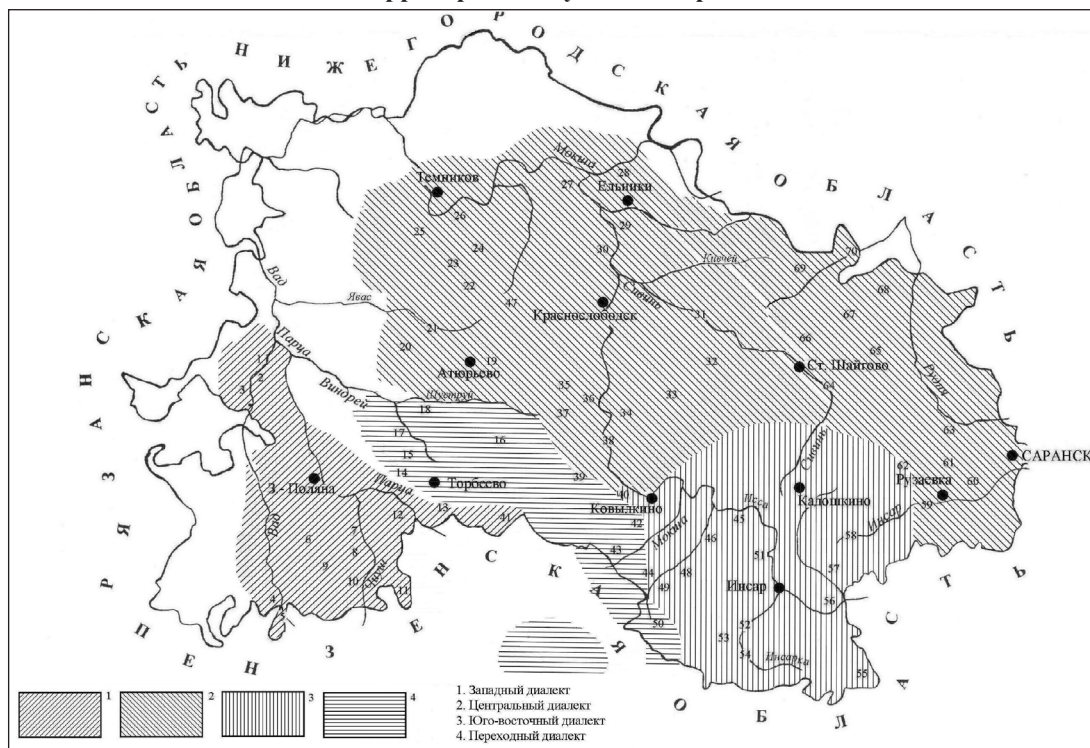
Позднее А. П. Феоктистов несколько раз обращался к классификации мокшанских диалектов, корректируя и пополняя ее на основе сравнения фонетических систем: западный (в основном на территории северной части Zubovo-Полянского и Торбеевского районов), юго-восточный (территория распространения: Инсарский, Рузаевский и Ковылкинский районы), центральный (краснослободско-темниковский).

В данную классификацию внес свои существенные изменения С. З. Деваев в работе «Диалекты мокша-мордовского языка в фонологическом аспекте». Он отмечает, что в основу классификации западного диалекта были положены фонетико-грамматические особенности, без строгого учета различий в системе фонем. Ученый на основе фонологического принципа выделяет следующие диалектные типы: центральный, юго-восточный, северо-западный, юго-западный. Юго-западные говоры (южная часть Zubovo-Полянского и Торбеевского районов) имеют грамматические особенности, одинаковые с западным, но отличаются от последних системой гласных фонем [3, 5].

Классификация диалектов мокшанского языка на основе фонетических различий была представлена Г. С. Ивановой. Учитывая особенности фонетического (вокалического) порядка, автор выделяет три типа мокшанских говоров: *ä*кающий; *ика*ющий; *эка*ющий – и делает попытку восстановления гласных прамордовского языка-основы путем междиалектных и межъязыковых сопоставлений [7, 25].

Традиционной, общепринятой и наиболее полной является классификация мокшанских диалектов, предложенная А. П. Феоктистовым в работе «Диалекты мордовских языков», в которой учитываются фонетический, морфологический, лексический и территориальный аспекты. На их основе ученый выделяет пять диалектных типов (диалектов) мокшанского языка: центральный, западный, юго-восточный, переходный и смешанный, – имеющих отличительные языковые явления и относительную территориальную очерченность [9, LXXI–LXXXVII] (карта).

**Диалектологическая карта мокшанского языка
на территории Республики Мордовия**

Обозначение населенных пунктов на карте

1. Подлясово Зубово-Полянского района; 2. Вадовские Селищи Зубово-Полянского района; 3. Промзино Зубово-Полянского района; 4. Старое Бадиково Зубово-Полянского района; 5. Новое Бадиково Зубово-Полянского района; 6. Мордовская Поляна Зубово-Полянского района; 7. Зарубкино Зубово-Полянского района; 8. Ачадово, Тарханская Потьма Зубово-Полянского района; 9. Булдыгино Зубово-Полянского района; 10. Пичпанда Зубово-Полянского района; 11. Мордовский Пимбур Зубово-Полянского района; 12. Кажлодка Торбеевского района; 13. Дракино Торбеевского района; 14. Савва Торбеевского района; 15. Салазгорь Торбеевского района; 16. Мордовские Юнки Торбеевского района; 17. Варжелай Торбеевского района; 18. Старая Пичеморга Торбеевского района; 19. Курташки Атюрьевского района; 20. Арга Атюрьевского района; 21. Кишалы Атюрьевского района; 22. Мордовская Козловка Атюрьевского района; 23. Кушки Атюрьевского района; 24. Польское Цибаево Темниковского района; 25. Лесное Цибаево Темниковского района; 26. Кондровка Темниковского района; 27. Мордовские Пашаты Ельниковского района; 28. Большой Уркат Ельниковского района; 29. Старые Пиченгуши Ельниковского района; 30. Каньгуши Ельниковского района; 31. Старое Синдрово Краснослободского района; 32. Колопино Краснослободского района; 33. Мамолаево Ковылкинского района; 34. Новое Мамангино Ковылкинского района; 35. Зайцево Краснослободского района; 36. Рыбкино Ковылкинского района; 37. Старая Самаевка Ковылкинского района; 38. Волгапино Ковылкинского района; 39. Гумны Ковылкинского района; 40. Курнино Ковылкинского района; 41. Старые Пичуры Торбеевского района; 42. Парапино Ковылкинского района; 43. Мордовское Вечкенино Ковылкинского района; 44. Старое Дракино Ковылкинского района; 45. Паево Кадошкинского района; 46. Мордовское Коломасово Ковылкинского района; 47. Мордовские Парки Краснослободского района; 48. Шадым Ковылкинского района; 49. Красный Шадым Ковылкинского района; 50. Алькино Ковылкинского района; 51. Адашево Инсарского района; 52. Кочетовка Инсарского района; 53. Верхняя Лухма Инсарского района; 54. Мордовская Паевка Инсарского района; 55. Шадьмо-Рыскино Инсарского района; 56. Новые Верхиссы Инсарского района; 57. Новлей Инсарского района; 58. Болдово Рузаевского района; 59. Трусклый Рузаевского района; 60. Левжа Рузаевского района; 61. Сузгарье Рузаевского района; 62. Мордовская Пишля Рузаевского района; 63. Перхляй Рузаевского района; 64. Старая Теризморга Старошайговского района; 65. Лемдяй Старошайговского района; 66. Сарга Старошайговского района; 67. Кулдым Старошайговского района; 68. Мельцаны Старошайговского района; 69. Вертелим Старошайговского района; 70. Темяшево Старошайговского района.

Критерии диалектного членения мокшанского языка автор утвердил в своей последней научной работе «Mokšamordvan murteet» (2005), где дана четкая научная классификация мокшанских диалектов, сопровождающаяся множеством текстов из разных говоров, и воссоздана реальная картина функционирования мордовских письменно-литературных языков на протяжении длительного времени: с начала XVIII в. и до конца XIX столетия [15].

I диалектный тип (центральный). Это один из диалектов, лежащий в основе письменно-литературного мокшанского языка и распространенный на территории нескольких районов Республики Мордовия: Атюрьевского, Темниковского, Ельниковского, Краснослободского, Старошайговского, частично Ковылкинского, Рузаевского.

Фонетические особенности данного диалекта: 1) в фонологической системе функционируют семь гласных фонем: **a, ä, o, e, u, i/i̇, ə** – и тридцать три согласные: **b, v, g, d, d', ž, z, ž, j, J/ɣ, k, l, l', L, L, m, n, ŋ, p, r, r', R, R̄, s, ś, t, t', f, ɣ, c, ć, č, š/š̄ / ść; ž/ž̄, č/č̄**, которая характерна для консонантизма западного диалекта; 2) отсутствует корреляция согласных **š/š̄, ž/ž̄, č/č̄**, которая характерна для консонантизма западного диалекта; 3) нет перехода **J(ɣ) > š** перед **t'**, как в юго-восточном диалекте (*mi'liJt'* 'они идут', *äJt'/jäJt'* 'льды').

Морфологические особенности: 1) в неопределенном склонении имена существительные изменяются по тринадцати падежам; формы единственного и множественного числа отличаются лишь в номинативе: ном. *pakšä(e)* 'поле' (ед. ч.), *pakšat* 'поля' (мн. ч.); ген. *pakšän/pakšeñ* 'поля', 'полей'; дат. *pakšänd'i/pakšeñ'di* 'полю', 'полям' и т. д.; 2) в определенном склонении функционируют три падежа: номинатив, генитив, датив, причем формы единственного и множественного числа во всех падежах разные: ном. *vel'äs* 'село (это, то)' (ед. ч.), *vel'ät'ne(ə)* 'сёла (эти, те)' (мн. ч.); ген. *vel'ät'* 'села (этого, того)' (ед. ч.), *vel'ät'ňän* 'сёл (этих, тех)' (мн. ч.) и т. д.; 3) в притяжательном склонении имена существительные изменяются по формам десяти падежей (кроме латива, транслатива, каузатива): *vel'äže(ə)*

'село (мое)' (ед. ч.), *vel'äže(ə)* 'сёла (мои)' (мн. ч.); *vel'äsän* 'села (моего)' (ед. ч.), *vel'ät'ňän* 'сёл (моих)' (мн. ч.) и т. д.; 4) глагол реализуется в формах семи наклонений – изъявительного (индикатива), повелительного (императива), сослагательного (конъюнктива), условного (кондиционаля), побудительного (оптатива), условно-сослагательного (конъюнктива-кондиционаля) и желательного (дезидератива): *tujan* 'я уйду' (индикатив), *tuk* 'уйди' (императив), *tu'än* 'я бы ушел' (конъюнктив), *tuñd'äran* 'если я уйду' (кондициональ), *tuñd'äräl'än* 'если бы я ушел' (конъюнктив-кондициональ), *tuzan* 'пусть я уйду' (оптатив), *mol'al'aksäl'än* 'я хотел пойти' (дезидератив). Формы желательного наклонения (дезидератива) употребляются лишь в части говоров.

Центральный диалект, по выводам лингвогеографических исследований, не имеет признаков абсолютной компактности и целостности и тем самым образует несколько локальных подгрупп:

а) северная подгруппа. Территориальное распространение: с. Темяшево [*temäž vel'e*], с. Вертелим [*vel'et'erne*], с. Кулдым [*kuldım*], п. Красный, п. Красновка Старошайговского района; д. Старый Шукстелим [*širä šukštäl'mä*], д. Новый Шукстелим [*od šukštäl'mä*], с. Подгорное Канаково [*konak*], с. Польское Цибаево [*pakšä porañä*] и др. Темниковского района Республики Мордовия. Их основная особенность заключается в употреблении в анлауте слов непалатализованного **-s-** перед гласными переднего ряда, которые в таком случае веларизируются. Например: *sävəms* 'взять, получить' (ср. *šävəms, ševəms* в других говорах), *sevəms* 'съесть, скушать' (ср. *šivəms* в других говорах), *särädəms* (ср. *šärädəms, šeredəms* в других говорах) и т. д. Данная характерная черта относится к явлениям инновационного порядка, возникшим в результате интенсивных контактов мокшан с эрзянским населением Нижегородской области;

б) темниковско-атюрьевская подгруппа. Территория распространения: с. Лесное Ардашево [*ordaš*], с. Польское Ардашево [*ordaš, ordažərej*], с. Лесное Цибаево [*kelguža, gelguža*], д. Лесное Кичато-

во [kečad], д. Лесное Плуково [puləks], д. Лесные Сиялы [säl'äj vel'ä], д. Песочное Канаково [konaku, šuvar vel'ä], д. Старое Авкиманово [šir'ä avkiman], д. Новое Авкиманово [od avkiman] Темниковского района; с. Мордовская Козловка [kargəñžäj], д. Потьма [potma], д. Барашево [borəž vel'ä], д. Гремячево [gr'emicäj], д. Старая Кярьга [šir'ə kär'gä], д. Липовка [pak'sä kär'gəñä], д. Клопинки [kolapəna], д. Лесной Бор [vir' kär'gəñä] Атюрьевско-го района РМ.

Подгруппа отличается расширением огласовки ауслота слов, приближаясь по этому признаку к эрзянскому языку: *dodo* 'подушка' (ср. в других мокшанских диалектах: *todu, dodu*, эрз. *todov*), *očo* 'большой' (ср. в других мокшанских диалектах: *oču*), *kelo* 'береза' (ср. в других мокшанских диалектах: *kelu*, эрз. *kilej*).

В некоторых говорах (с. Польское Ардашево, с. Польское Цибаево) в непервом слогe слова функционирует гласный **u**, который образовался в результате губной ассимиляции со стороны **-v(-f)** на предшествующий гласный (при любом гласном в первом слогe слова): *pid'uv's* 'сварился', *tijuv's* 'сделался', *kaduv's* 'остался' (ср. *pid'əv's, tijəv's, kadəv's* в других говорах).

Морфологические отличия: в формах глагола объектного спряжения ряда «Сонь» сохраняется показатель субъекта действия 1-го лица единственного числа, как и во многих эрзянских диалектах: *šävs-a-n* 'я его (ее) возьму', *kundasa-n* 'я его (ее) поймаю' (ср. *šävs-a, kundasa* в других говорах) (индикатив); *šävəñd'ärasa-n* 'если я его (ее) возьму', *kundañd'ärasa-n* 'если я его поймаю' (кондициональ) (ср. *šävəñd'ärasa/ševəñd'erasa, kundañd'ärasa/kundañd'erasa* в других говорах);

в) атюрьевская подгруппа. Территория распространения ограничивается Атюрьевским районом: с. Атюрьево [at'ər], с. Бароновка [baranəfka], с. Кишалы [kešal], д. Арга [arga], д. Пичеполонга [pičpul'ne], с. Курташки [kəRtaž, kəRtaž vil'e].

Особенности на фонетическом уровне: отсутствие гласного переднего ряда **ä**, который подвергся сужению до гласного среднего ряда (**ä > e**): *ked'* 'рука' (ср. *käd'*

в других диалектах), *lem* 'суп' (ср. *läm* в других диалектах). Явление перехода **ä > e** вызвало в свою очередь сужение этимологического гласного среднего подъема до гласного верхнего подъема **i (e > i)**: *tiv* 'дело', *vid'* 'вода' (ср. *t'ev, ved'* в других диалектах) и в позиции анлаута перед непалатализованными парными согласными, которые, как известно, обычно удерживают сужение **e > i**: *kilas'* 'лиса', *kilda* 'клоп', *izna* 'муж сестры', *ista* 'тогда' (ср. *kelaš, kelda, ezna, esta* в других диалектах).

Следует обратить внимание на то, что в некоторых говорах данного типа (с. Кишалы, д. Пичеполонга, с. Атюрьево) в первом слогe слова на месте прамордовского ***ä**, который в других говорах передается через **e**, прослеживается гласный **i**, т. е. получается своего рода фонетические чередования гласных **ä/le/i** (с. Кишалы): *viškəma* 'свисток', *šiz'gan* 'сорока' (ср. *veškəma, väškəma, šez'gan, šaz'gan* в других говорах); выявляются частичные случаи расширения ауслота слов при тотальном сужении: **ä > e, e > i**: *šil'me* 'глаз', *kil'me* 'холод'.

Характерные черты, которые объединяют атюрьевскую подгруппу с темниковско-атюрьевской, занимающей соседнюю диалектную зону, – переход **u > o**: *dodo* 'подушка', *očo* 'большой', *ožo* 'погоди', *kelo/kilo* 'береза'; наличие в анлауте и первом слогe некоторых слов диалектных гласных **i, u** на месте фонемы **ə**, что свидетельствует, вероятно, о сохранении более древнего вокализма: *irvähä/ir'vehe* 'сноха', *urdas* 'грязь' (в других диалектах: *ərvähä/ərvähä, ərdas*); *kirväs'təms* 'зажечь' (ср. в других диалектах: *kərväs'təms/kərvəs'təms*); функционирование редуцированного гласного **ə** в ударном первом слогe: *št'ər* 'девушка', *mərd'ə* 'муж' (в других диалектах *št'ir, mir'd'e*); сужение конечного гласного нижнего подъема: *šel'mə/sil'mə* 'глаз', *oftə* 'медведь' (ср. в других диалектах: *šel'me(ä), sil'me(ä), oftä*); употребление звонких согласных в анлауте: *žaba* 'ребенок', *garu* 'муха', *guj* 'змея', *dodo* 'подушка' (ср. в других диалектах: *šaba, karu, kuj, todū*). Морфологически данная подгруппа мало отличается от темниковско-атюрьевской;

г) рыбкинско-мамолаевская подгруппа. Охватывает говоры, расположенные по обеим сторонам среднего течения Мокши: д. Керетино [kārata], с. Родькино [rod'ä vālā], с. Ежовка [jožka, jožka velä], с. Рыбкино [ərba vele], с. Мамолаево [malav], с. Самозлейка [somazl'äj], с. Старая Самаевка [širä somaj], д. Новая Самаевка [od somaj], с. Старая Толковка [širä tolku], с. Новая Толковка [od d(t)olku], с. Ржавцы [šäməñ], с. Старое Мамангино [širä mamañä], с. Новое Мамангино [od mamañä], с. Старая Лепёвка [širä lepju], с. Новая Лепёвка [od lepju], с. Волгапино [valgapina], с. Поникедовка [piñked'], с. Кичатово [pičä velä], с. Старая Дергановка [širä t'ergan], д. Новая Дергановка [od t'ergan] Ковылкинского района, с. Зайцево [zajcä] и другие близко расположенные села Краснослободского района РМ.

Фонетические особенности: наличие гласного звука ä переднего ряда; j-отация анлаутного ä- (с. Волгапино): jāj 'лед', jāši 'колодец', jāvdəms 'испугаться' (ср. äj/ej, äši/eši, ävdəms/evdəms в других говорах); наличие сингармонизма гласных (огласовка окончания слова находится в зависимости от вокализма основы): pil'kftämä 'без ноги', 'без ног', kätftämä 'без руки', 'без рук' (ср. pil'kftäma/pil'kftämä, kätftäma/kätftämä в других говорах); употребление лишь палатализованных согласных фонем (š, ž) во всех позициях слова: šava 'пустой'; миска' šovəñ 'затылок', ožat 'рукава', užäl' 'жаль' (ср. šava(ə), šovəñ, ožat, užäl' в других говорах); отсутствие звонких пар для глухих эксплозивных (b-, g-, d-, d'-) и спирантов (z-, ž-, ž'-) в анлауте слов (сохраняются архаичные черты финно-угорского языка-основы): pañä 'баня', pazar 'базар', sojñams 'звенеть' (ср. bañä(e), bazar, zojñams в других говорах).

Особенности на морфологическом уровне: в формах глагола объектного спряжения ряда «Сонь» и «Синь» выявляются расхождения суффиксов единственного и множественного числа: sodasašk 'мы его (ее) знаем', sodasajñək 'мы их знаем' (ср. sodasašk 'мы его (ее) знаем' и 'мы их знаем' в других диалектах); sodasašt' 'вы

его (ее) знаете', sodasajəñt' 'вы их знаете' (ср. sodasašt' 'вы его (ее) знаете' и 'вы их знаете' в других диалектах).

К существенным отличиям относятся образование необычных синтетических форм отрицания у глаголов условного (кондиционаля) и условно-сослагательно-го (конъюктива-кондиционаля) наклонений: mol-əft'ärän 'если я не пойду', mol-əft'ärat 'если ты не пойдешь', mol-əft'äraj 'если он(а) не придет' и т. д. (ср. af moləñ-d'ärän, af moləñ-d'ärat, af moləñ-d'äraj в других диалектах); mol-əft'äraləñ 'если бы я не пошел', mol-əft'äralət' 'если бы ты не пошел', (ср. af moləñ-d'äraləñ, af moləñ-d'äralət' в других диалектах);

д) краснослободско-синдровско-шайговско-левжинская подгруппа. Занимаемая территория: Краснослободский, Ельниковский, Старошайговский, Рузаевский районы. Населенные пункты: с. Колопино [kolapa], д. Мордовское Маскино [mokšəñ mazkañä, širä mazkañä], д. Тустатово [tustat velä], с. Заберёзово [kul'as], с. Мордовские Парки [parka, paRkš], п. Приволье [p'rivol'ijä], с. Новое Синдрово [od šendru], с. Старое Синдрово [širä šendru], с. Мордовские Полянки [mokšəñ pol'anka] и др. Краснослободского района; д. Лепченка [lepčänka, lepl'äj], с. Мордовское Корино [mokšəñ kara vile], с. Большие Мордовские Пашаты [pašadu], с. Каньгуши [kañguž], с. Старые Пичингуши [šire pičənguž], д. Новые Пичингуши [od pičənguž] Ельниковского района; д. Новая Теризморга [ožgañä], с. Лемдяй [l'emd'ej], с. Сарга [sarga], с. Старая Теризморга [širä t'ärəzmorga], с. Акшов [akšu], п. Поруб [kerfu], с. Старое Шайгово [šire šejgav] и др. Старошайговского района; с. Левжа [levži], с. Перхляй [pəRl'ej], с. Сузгарье [suzgerge], с. Трусляй [turksl'ej] и др. Рузаевского района.

Из-за обширности территории говоры данной подгруппы не имеют признаков абсолютной целостности: между ними выявляются различия на разных уровнях языка, поэтому их следует рассматривать по отдельным ареалам: краснослободско-синдровскому, ельниковскому, шайговскому, рузаевскому.

В северо-западной части, пограничной с атюрьевской и темниковско-атюрьевской подгруппами, в ударном первом слоге наличествует редуцированный гласный *ə* (с. Мордовские Парки): *pələ* ‘хвост’, *štər* ‘девушка’, *mərdə* ‘муж’, *pəlf* ‘сноп’, *vər* ‘лес’, *pəlgə* ‘нога’, *pələ* ‘ухо’, *pərətəms* ‘собраться’ (ср. в других диалектах: *pula(ə)*, *štir*, *mir'də*, *pulf*, *vir(ə)*, *pil'gə*, *pil'ə*).

В центральной части подгруппы, пограничной с юга с рыбкинско-мамолаевской подгруппой и юго-восточным диалектом, наблюдаются: *j*-отация *ä* в анлауте слов: *jäši* ‘колодец’, *jäžəm* ‘лавка’, *jäi* ‘лёд’; оглушение звонких согласных в указанной позиции: *pajd'ək* ‘палка’, *kaštəms* ‘испортить’; переход *e > ä* перед непалатализованными парными согласными: *vär* ‘кровь’, *värəskä* ‘ягненок’, *mäs* ‘почему’, *kärəms* ‘отрезать’.

В отдельных ареалах рассматриваемой подгруппы произошло сужение *ä > e*, *e > i*, возможно, под влиянием пограничного юго-восточного диалекта: шайговские говоры (с. Сарга, с. Лемдяй): *tēšte* ‘звезда’, *kešəms* ‘спрятаться’, *vid* ‘вода’, *tiv* ‘дело’ (ср. в других говорах: *täš'te(ä)*, *käšəms*, *ved*, *t'ev*). Указанное явление встречается и в ельниковских говорах (с. Старые Пичингуши, с. Новые Пичингуши, с. Большие Мордовские Пашаты).

В части говоров данной подгруппы сужение широкого гласного переднего ряда остановилось лишь на переходе *ä > e*, без дальнейшего сужения этимологического гласного *e* (с. Сузгарье и др.): *l'em* ‘суп, щи’ (ср. *l'am*, *l'em* в других говорах) и *l'em* ‘имя’ (ср. *l'em*, *l'im* в других говорах); *pel'əms* ‘сверлить’ (ср. *päl'əms*, *päl'əms* в других говорах) и *pel'əms* ‘бояться’ (ср. *pel'əms*, *pil'əms* в других говорах), *ñeft'əms* ‘показать’ (ср. *ñäft'əms*, *ñeft'əms* в других говорах) и *ñeft'əms* ‘общипать’ (ср. *ñeft'əms*, *ñift'əms* в других говорах).

В отдельных говорах произошел тотальный переход *e > i* и в позиции анлаута перед непалатализованными парными согласными, которые, как известно, обычно удерживают сужение *e > i* (с. Перхляй): *izna* ‘муж сестры’, *ista* ‘тогда’ (ср. *ezna*, *esta* в других говорах).

В небольшом количестве говоров (с. Ржавцы, с. Родькино и др.) выявляются случаи сохранения широкого гласного переднего ряда *ä* при тотальном сужении *e > i*: *šil'mä* ‘глаз’, *kil'mä* ‘холод’, *vil'ä* ‘село’ (ср. *šel'mä*, *šil'me*; *kel'mä*, *kil'mä*; *vel'ä*, *vil'e(ə)* в других говорах).

В некоторых ареалах данной подгруппы (с. Старые Пичингуши, с. Новые Пичингуши, с. Большие Мордовские Пашаты) в анлауте слов употребляются звонкие согласные, как в темниковско-атюрьевской, атюрьевской подгруппах: *žaba* ‘ребенок’, *garu* ‘муха’, *guj* ‘змея’ (в других диалектах: *šaba*, *karu*, *kuj*).

В отрицательных формах глагола сохраняется элемент **-k** в конце смыслового глагола: *əž morak* ‘он не пел’, *əž muk* ‘он не нашел’ (ср. *iž mora(ə)*, *iž mu* в других говорах).

В говорах с. Сарга, с. Лемдяй и др. Старошайговского района вместо отрицательной частицы **af** употребляется вариант *aš*: *mol'at kudu?* – *aš* ‘Пойдешь домой? – Нет’ (ср. *mol'at kudu?* – *af* в других говорах).

II диалектный тип (западный) базируется в Zubovo-Полянском и частично Торбеевском районах Республики Мордовия.

На фонологическом уровне западный диалект распадается на две подгруппы.

а) северо-западная подгруппа: с. Анаево [*anaju*], с. Вадовские Селищи [*vad vel'äžəm*], с. Промзино [*poranza*], п. Крюковка [*k'ruku*], п. Пичёвка [*pič'ähä*], с. Каргашино [*kargaša*], п. Пичаловка [*pič vel'ä*], с. Журавкино [*žarav vel'ä*], п. Вячка [*väčka*] и др. Zubovo-Полянского района;

б) юго-западная подгруппа: с. Новое Бадиково [*od bajd'əku*], с. Старое Бадиково [*šir'ə bajd'əku*], с. Жуковка [*žuku*], с. Мордовская Поляна [*kuža*], с. Булдыгино [*buldiygina*, *šir'ə vil'e*], с. Пичпанда [*pičpanda*], с. Ачадово [*očadu*], д. Крюковка [*k'ruku*], с. Тарханская Потьма [*potmañe*], с. Зарубкино [*zarəpka*], с. Покровские Селищи [*vil' ežəm*], с. Новые Выселки [*bəznovka*], с. Новая Потьма [*od potma*], с. Старая Потьма [*šir'ə potma*], с. Мордовский Пимбур [*mokšəñ pimbur*, *pimbəra*] Zubovo-Полянского района; с. Лопатино [*lapat'ina*], с. Ста-

рые Пичуры [*širə pečora*] Торбеевского района РМ.

Фонологическую систему северо-западной подгруппы говоров составляют семь гласных фонем – **а, ä, о, е, u, i/i̇, э**, юго-западной – шесть (произошел переход **ä > е**, который вызвал сужение этимологического **е > i**): сев.-зап. *käl*, юго-зап. *kel* ‘язык’; сев.-зап. *l’äj*, юго-зап. *l’ej* ‘река’; сев.-зап. *t’ev*, юго-зап. *t’iv* ‘дело’; сев.-зап. *pel*, юго-зап. *pil* ‘нож’ и т. д.

В некоторых говорах юго-западной подгруппы (с. Лопатино, с. Старые Пичуры) сужение гласных остановилось лишь на переходе **ä > е** без последующего перехода **е > i**. Например: *t’eni* ‘сейчас’, *nejmäs* ‘увидеть’, *kel* ‘язык’, но *ked* ‘рука’ и *ked* ‘кожа’, *lem* ‘суп’ и *l’em* ‘имя’, *pel’i* ‘сверлит’ и *pel’i* ‘боится’, *kel’i* ‘идет в брод’ и *kel’i* ‘широкий’.

Специфика западного диалекта среди согласных фонем – наличие оппозиции между непалатализованными и палатализованными шипящими и аффрикатами: *š/lṣ̌: šava* ‘пустой’ / *šava* ‘миска’; *šovəñ* ‘мыльный’ / *šovəñ* ‘затылок’; *ž/lẓ̌: žar* ‘жар’ / *žir* ‘жир’; *člč̣ kačam* ‘дым’ / *kočam* ‘горбушка хлеба’; *učat* ‘ты ждешь’ / *učat* ‘овцы’.

Сонорные согласные обладают слогообразующей функцией: *kudnžä(e)* ‘мой дом’, *surñžä(e)* ‘мой палец’, *kudn* (ген.) ‘дома’.

Отмечается отсутствие ударения на последнем слоге (независимо от качества гласных, входящих в ту или иную словоформу): *kə’rža* ‘мало’, *kə’rga* ‘горло’, *túnda* ‘весна’, *ul’čä(e)* ‘улица’ (ср. *kəržá, kərgá, tundá, ul’čä’ / ul’čé / al’čé* в других говорах).

На морфологическом уровне между подгруппами существенных различий не выявляется. Важнейшая структурная изоглосса данного типа диалекта лежит в области морфологии: наличие каузатива (каузалиса) в определенном и притяжательном склонениях: *lomañ’ksa* ‘из-за, ради этого человека’, *lomañ’əñksaksa* ‘из-за, ради этих людей’, *paksäžəñksa / paksəžəñksa* ‘из-за, ради моего поля’, *paksäčəñksa / paksəčəñksa* ‘из-за, ради твоего поля’, *paksančksa* ‘из-за, ради его(ее) поля’, *paksäñəškəñksa / paksəñəškəñksa* ‘из-за, ради нашего поля’, *paksäñəkəñksa /*

paksəñəkəñksa ‘из-за, ради наших полей’, *paksäñd’əštəñksa / paksəñd’əštəñksa* ‘из-за, ради вашего поля’, *paksäñt’əñksa* ‘из-за, ради ваших полей’, *paksasənčksa* ‘из-за, ради их поля (полей)’; наличие специфических поссессивных форм существительных: ед. ч. *virñəšk(ä,e)* ‘наш лес’, *kudnəšk(ä,e)* ‘наш дом’; мн. ч. *virñək(ä,e)* ‘наши леса’, *kudnək(e,ə)* ‘наши дома’; ед. ч. *virñd’əšt(ä,e)* ‘ваш лес’, *kudndəšt(ä,e)* ‘ваш дом’; мн. ч. *virñt’ä(e)* ‘ваши леса’, *kudntə(ə)* ‘ваши дома’ (ср. *virəñkä(e,ə) / virñəkə* ‘наш лес’, ‘наши леса’; *kudəñkä(e,ə) / kudnəkə* ‘наш дом’, ‘наши дома’; *virəñt’ä(e,ə)* ‘ваш лес’, ‘ваши леса’; *kudəñt’ä(e,ə)* ‘ваш дом’, ‘ваши дома’ в других говорах).

Разряд указательных местоимений реализуется в следующих вариантах *sä ~ šičä / šiče, šəčä(e)* ‘тот’, *tä ~ titä / tite, t’ätä(e)* ‘этот’. В анлауте числительного *ifkä / ifke / əfkä(e)* наличествует гласный, который предположительно присутствовал в составе древнемордовского архетипа.

В глагольном словоизменении обнаруживаются: а) выпадение конечного гласного в безобъектном спряжении настояще-будущего времени: *moratam* ‘мы поем’, *moratad* ‘вы поете’ (ср. *moratama(ə), moratada(ə)* в других говорах); б) фонетические различия в объектном спряжении настояще-будущего времени: *sävəməšt / ševəməšt* ‘вы меня/нас возьмите’, *sävсамəž / ševсамəž* ‘они меня/нас возьмут’, *šəft’anzat / šeft’anzat* ‘он тебя возьмет’, *sävсajñ / ševсajñ* ‘я их возьму’, *sävсijñ / ševсijñ* ‘он их возьмет’, *sävсajñək / ševсajñək* ‘мы их возьмем’, *sävсajñət / ševсajñət* ‘вы их возьмете’.

На лексическом уровне: функционируют лексемы, характерные только для данного диалекта: *bat’ä / bat’e* ‘отец’, *t’ot’mak* ‘ребенок’, *šumbas* ‘заяц’, *širinka* ‘платок’, *takije* ‘шапка’ (ср. *al’ä(e)* ‘отец’, *šaba / žaba* ‘ребенок’, *numəl* ‘заяц’, *ručä(e) / əRče* ‘платок’, *važ* ‘шапка’ в других говорах).

III диалектный тип (юго-восточный) охватывает территорию соседних районов РМ: Инсарского, Кадошкинского, частично Ковылкинского и Рузаевского. Говоры представлены в следующих населенных

пунктах: с. Верхняя Лухма [veřə lafna], п. Заря [zaře vil'e], с. Кочетовка [kačatov], с. Мордовская Паевка [poju vil'e], д. Сенгилейка [šəngilej], с. Новлей [nav'lej], с. Старые Верхиссы [isa p're, šire vil'e], с. Новые Верхиссы [isa vil'e, od isa p're], с. Шадымо-Рыскино [vežəd'ne] и др. (Инсарский район); с. Адашево [adaž, adaž vil'e], с. Паёво [poju], с. Глушково [kələška] (Кадошкинский район); с. Шадым [šadim], с. Старое Пшенево [šire pšeň], с. Новое Пшенево [od pšeň], д. Мордовская Авгура [mokšəň avgara], с. Старое Дракино [šire traka], д. Новое Дракино [od traka], с. Подгорное Алёксово [kaləš], с. Мордовское Коломасово [mokšəň kolamaz] и др. (Ковылкинский район); д. Старая Муравьёвка [šire muravjofra], с. Болдово [boldu vel'e], с. Новая Муравьёвка [kil'me pora, muraj vil'e], с. Куликовка [od vel'e], с. Мордовская Пишля [mokšəň pəš'le], д. Мордовское Баймаково [mokšəň pajmak], с. Палаевка [polaj vil'e, čiftamas], с. Новый Усад, с. Пушкино (Рузаевский район).

Для юго-восточного диалекта характерны следующие фонетические особенности: переход **ä** > **e**, **e** > **i**: *mel'* 'желание', *lej* 'река' (ср. *mäl', lej* в других говорах); *iřaf* 'жизнь', *tiv* 'дело' (ср. *eřaf, tev* в других говорах); **j**-отация анлаутного **e**:- *jej* 'лед', *ješi* 'колодец', *jevəd'əms* 'испугаться' (ср. *äj/ej, äši/eši, ävəd'əms/evəd'əms* в других говорах); переход гласных **u**, **i** в безударном положении в корне слова в гласный неполного образования **ə**: *al'ce* 'улица', *əma* 'болезнь', *əca* 'овца', *səvan* 'зайду', *šəvata* 'животное' (ср. *ul'ce/ul'čä, urma, uca, suvan, žuvata* в других говорах); наличие сингармонизма гласных (единообразное вокалическое оформление слова): *viřd'e* 'от леса', *pil'kf'əme* 'без ноги', 'без ног', *keřf'əme* 'без руки', 'без рук' (ср. *viřda(ə), pil'kf'əma(ə), kəřf'əma(ə)/keřf'əmə* в других говорах); переход **j** > **š** в позиции перед **t'**: *tuj* 'уходит', *tušt'* 'уходят', *mol'i* 'идет', *mol'išt'* 'идут'; отсутствие в анлауте слова звонких эксплозивных **b**-, **g**-, **d**-, **d'**- и спирантов **z**-, **ž**-, **ž'**:- *paňä* 'баня', *pazar* 'базар', *sojňavs* 'звенеть'.

К морфологическим особенностям относятся следующие: в формах глаго-

ла объектного спряжения ряда «Сонь» и «Синь» выявляются расхождения суффиксов единственного и множественного числа, как и в рыбкинско-мамолаевской подгруппе говоров центрального диалекта: *sodasašk* 'мы его (ее) знаем', *sodasajňak* 'мы их знаем' (ср. *sodasašk* 'мы его (ее) знаем' и 'мы их знаем' в других диалектах); *sodasašt'* 'вы его (ее) знаете', *sodasajňt'* 'вы их знаете' (ср. *sodasašt'* 'вы его (ее) знаете' и 'вы их знаете' в других диалектах); наличие герундийных образований (деепричастных форм) на **-mək**: *tumək* 'уходя', *ševəmək* 'взяв' и т. д.

IV диалектный тип (переходный) занимает территорию Белинского района Пензенской области, частично Торбеевского и Ковылкинского районов РМ. Говоры, входящие в переходный диалект, представлены в следующих населенных пунктах: с. Карсаевка [kaRcajka], с. Пичёвка [pičəňä], с. Козловка [kazlořka], с. Старая Каштановка [šire kaštanka], с. Новая Каштановка [od kaštanka], с. Сярда [šarda], с. Пяркино [pärakə vel'ä], с. Доншино [daňčəna], с. Линёвка [liňof], с. Озёрки [azorkə] (Белинский район); с. Варжелай [varžəl'aj], д. Вязовка [väzəřka], с. Куликово [kul'ikořka], с. Старая Пичеморга [širə pičəmorǵa, širə vel'ä], с. Новая Пичеморга [od pičəmorǵa, od vel'ä], с. Носакино [nosak vel'ä], с. Малышево [mal'šū], с. Савва [sava vel'e], с. Салазгорь [salazǵärgä], д. Мазилуг [mažiluk] (Торбеевский район); с. Алькино [al'te, alka], с. Мордовское Веченино [mokšəň večeňe], п. Красная Поляна [jangataj], с. Парapiно [porapa] (Ковылкинский район).

Рассматриваемый диалект расположен между западным и юго-восточным (с северной стороны также – центральным) диалектами мокшанского языка. В нем сочетаются фонетические и морфологические особенности западного и юго-восточного диалектов: 1) действие фонетического закона перехода **j** > **š** во множественном числе перед **t'** (как в юго-восточном диалекте): *kandj* 'несет', *kandjšt'* 'несут'; *mil'i* 'идет', *mol'išt'* 'идут' (ср. *kandjJt', mol'iJt'* в других говорах); 2) отсутствие в анлауте слова звонких эксплозивных **b**-, **g**-, **d**-, **d'**:-

pazar ‘базар’, *paba* ‘баба’; 3) наличие каузатива (каузалиса) определенного и притяжательного склонений имени существительного (как в западном диалекте): *kalksa* ‘из-за, ради этой рыбы’, *kaLnənksa* ‘из-за, ради этих рыб’, *viřəžəñksa* ‘из-за, ради моего леса’, *viřənksa* ‘из-за, ради его(ее) леса’ и т. д.; 4) употребление специфических посессивных форм существительных, характерных для западного диалекта: *kudnəšk(ä,e)* ‘наш дом’; *kudnək(e,ə)* ‘наши дома’; *kudndəšt(ä,e)* ‘ваш дом’; *kudnte(ə)* ‘ваши дома’ (ср. *kudəñkä(e,ə)/kudnəkə* ‘наш дом’, ‘наши дома’; *kudəñt’ä(e,ə)* ‘ваш дом’, ‘ваши дома’ в других говорах); 5) наличие словоизменительных форм глагола, встречающихся как в западном диалекте: *moratam* ‘мы поем’, *moratad* ‘вы поете’ (ср. *moratama(ə)*, *moratada(ə)* в других говорах); *šävəməšt/ševəməšt* ‘вы меня /нас возьмете’, *šävəsaməž/ševəsaməž* ‘они меня/нас возьмут’, *šäff’anzat/seff’anzat* ‘он тебя возьмет’, *šävəsjəñ/ševəsjəñ* ‘я их возьму’, *šävəsjəñ/ševəsjəñ* ‘он их возьмет’, *šävəsjəñək/ševəsjəñək* ‘мы их возьмем’, *šävəsjəñt’/ševəsjəñt’* ‘вы их возьмете’.

В диалектный тип (смешанный) географически расположен за пределами Республики Мордовия (в Нижегородской, Пензенской, Саратовской и некоторых других областях) в соседстве с эрзянскими говорами или изолированно в иноязычном окружении. Он имеет первоначальную основу мокшанского языка, которая впоследствии подвергалась значительному воздействию эрзянских говоров. Говоры, относящиеся к данному диалекту, длительное время развивались в контакте с эрзянскими говорами, что отразилось на всех уровнях языка: фонетике, морфологии, лексике.

Говорам смешанного типа свойственны следующие особенности: употребление в анлауте слов чаще всего непалатализованного *-s*, как в северной подгруппе центрального диалекта и в эрзянском языке: *sävəms* ‘взять, получить’, *sevəms* ‘съесть, скушать’; *sivəl* ‘мясо’; наличие консонантных сочетаний *-ks*, *-kš* (по данным эрзянской фонетики): *päkšə* ‘липа’, *meks* ‘почему’, *mekš* ‘пчела’; перенос уда-

рения с первого слога на последующий или последний слог: *kodamá* ‘какой’, *kosá* ‘где’; смешение форм именного и глагольного словоизменения, преимущественное внедрение эрзянских алломорфов и т. д.

На лексическом уровне обнаруживается большое количество эрзянских слов: *řevə* ‘овца’, *skal* ‘корова’ (ср. *uca* ‘овца’, *traks* ‘корова’ в других говорах).

Фонетическую и грамматическую системы смешанного диалекта пронизывают инновационные процессы вследствие того, что они развиваются в иноязычном окружении, в условиях активных не только междиалектных, но и межъязыковых контактов.

Таким образом, следует отметить, что диалектный состав мокшанского языка отличается большим разнообразием и пестротой, прослеживающимися в определенных слоях лексики, морфологической модели слова и главных структурных элементах грамматического строя (таблица). Несмотря на то что на современном этапе все основные мокшанские говоры и диалекты на территории Республики Мордовия довольно глубоко изучены, проблема диалектной структуры современного мокшанского языка в территориальном аспекте, выделения диалектных групп на основе ряда признаков на разных уровнях языка до сих пор остается одной из основных проблем мордовского языкознания.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

атр. – атюрьевская подгруппа;
ген. – генитив;
дат. – датив;
ельн. – ельниковская подгруппа;
кр.-син. – краснолободско-синдровская подгруппа;
моки. – мокшанский язык;
ном. – номинатив;
руз. – рузаевская подгруппа;
рыбк.-ммл. – рыбкинско-мамолаевская подгруппа;
сев. – северная подгруппа;
сев.-зап. – северо-западная подгруппа;
темн.-атр. – темниковско-атюрьевская подгруппа;
шайг. – шайговская подгруппа;
эрз. – эрзянский язык;
юго.-зап. – юго-западная подгруппа.

Поступила 13.11.2014

Особенности диалектных типов мокшанского языка

Диалектные особенности	Центральный диалект										Юго-восточный диалект	Переходный диалект	Смешанный диалект
	Западный диалект					Восточный диалект							
	сев.	теми.-агр.	агр.	рыбк.-ммл.	кр.-снн.	слын.	шайг.	руз.	сев.-зап.	юго-зап.			
Фонетические: Система гласных – 7/6 гласных фонем ä: käd' 'рука'; e: ten' 'дело'; ä > e: ked' 'рука'; e > i: tiv' 'дело' j-отация анлаутного ä или e < ä; переход э в i, и на месте в анлауте и в первом слоге: utdas' 'правь'; kätväi(e)stems' 'зачечь' переход и, i в безударном положении в корне слова в а: ätse' 'улица', zävat' 'зайду' переход e > ä перед непалатализованными парными согласными: väv' 'кровь' переход и > o в ауслауте слов: dovo' 'годушка' Система согласных – 33/36 согл. фонем	+/-	+/-	-/+	+/-	+/-	-/+	-/+	-/+	-/+	-/+	-/+	-/+	-/+
наличие оппозиций между непалат. и палат. шипящ. и аффрикатами: š / š', ž / ž', č / č'; šava' 'пустой' / šava' 'миска, ištai' 'ты ждешь' / ištai' 'овца' палатализованные согласные фонемы (š'), (ž') во всех позициях слова: šoväi' 'затылок', oštai' 'рукава' непалатализованный -š- перед гласными перед-ряда в анлауте слов: ševäms' 'свесь' озвончение шумн. согл. в анлауте слов: gari' 'муха', žaba' 'ребенок'	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
отсутствие звонких эксплозивных (b-, g-, d-, t-) и спирантов (z-, ž-, ž'-) в анлауте слов: daiä' 'баня', šarjans' 'звенеть'	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
переход j > ž перед суфф. мн. ч. ŋ'	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Морфологические: падежная система определенного склонения (3/4 падежа) наличие каузатива в определенном и притяжательном склонениях: lomätkä 'из-за этого человека', rakšäi(e)žätkä 'из-за моего поля' употребление спелитич. possessивных суфф. ед. и мн. ч. сущ.: küdnäšk(ä'e)' 'наш дом', küdnäk(e,ž)' 'наши дома' и т. д. наличие показателя субъекта действия 1-го л. ед.ч. ряда «Сонь»: šä(e)vuca-и я его (ее) возмуну'	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-	+/-
расхождение суффиксов ед. и мн. ч. в формах глагола объектного епр. ряда «Сонь» и «Синь»: sadasask' мы его (ее) знаем, sadasajlak' мы их знаем' наличие синтетических форм отрицания у глаголов условного и условно-сослагательного накл.: möševäiän' 'если я не пойду'	-	-	-	+	+/-	-	-	-	-	-	-	-	-
Лексические:	šar'lak' 'пирог с картошкой'	mikst' 'основные иголки', gevarks' 'пирог с картошкой'	doš'kei' 'тыква', gevarks' 'пирог с картошкой'	duku' 'тыква' и др.	rad'fäms' 'обмануть', väpmans' 'хлебать'	bat'ä / bat'e' 'оред', toš'mak' 'ребенок', šunbas' 'заяц', širinka' 'платок', tak'je' 'манка'	maži' 'красивый', rägans' 'орыгнуть'	См. запл.	geva' 'овца', skal' 'кошара'				

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Бубрих, Д. В. Звуки и формы эрзянской речи по говору с. Козловки (Козловский р-н Автономной Мордовской обл.) / Д. В. Бубрих. – Москва, 1930. – 66 с.
2. Бубрих, Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка / Д. В. Бубрих. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1953. – 272 с.
3. Деваев, С. З. Диалекты мокша-мордовского языка в фонологическом аспекте // Очерки мордовских диалектов : в 5 т. – Саранск, 1966. – Т. 4. – С. 3–15.
4. Евсевьев, М. Е. Основы мордовской грамматики / М. Е. Евсевьев. – Москва, 1929. – 446 с.
5. Евсевьев, М. Е. Избранные труды : в 5 т. / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1963. – Т. 4. – 470 с.
6. Ермушкин, Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам / Г. И. Ермушкин. – Москва : Наука, 1984. – 141 с.
7. Иванова, Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении / Г. С. Иванова. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2006. – 176 с.
8. Феоктистов, А. П. Мордовские языки и их диалекты // Вопросы этнической истории мордовского народа. – Москва, 1960. – Т. 63. – Вып. 1. – С. 63–83.
9. Феоктистов, А. П. Диалекты мордовских языков // Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch. – Helsinki, 1990. – Bd. 1. – S. LXXI–LXXXVI.
10. Цыганкин, Д. В. Опыт классификации эрзянских говоров мордовского Присурья // Очерки мордовских диалектов : в 5 т. – Саранск, 1968. – Т. 5. – С. 383–394.
11. Цыганкин, Д. В. Фонетика эрзянских диалектов / Д. В. Цыганкин. – Саранск, 1979. – 112 с.
12. Цыганкин, Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста / Д. В. Цыганкин. – Саранск : Типография «Красный Октябрь», 2000. – 316 с.
13. Цыганов, Н. Ф. К вопросу классификации диалектов эрзя-мордовского языка // Сочинения по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков : тез. докл. – Москва, 1959. – С. 70–73.
14. Черепкин, И. Г. Диалекты мордвы-мокши бывшей Пензенской губернии // Ученые записки Саратовского университета. – Саратов, 1930. – Вып. 3. – Т. 8. – С. 19–31.
15. Феоктистов, А. P. Mokšamordvan murteet / А. P. Feoktistov, S. Saarin. – Helsinki, 2005. – 435 s.
1. Bubrikh, D. (1930) Sounds and forms of Erzya speech spoken in Kozlovka village (Kozlovsky district of Mordovia Autonomous region), Moscow.
2. Bubrikh, D. (1953) Historical Grammar of the Erzya language, Saransk.
3. Devaev, S. (1966) Dialects of Moksha-Mordovian language in the phonological aspect, Essays on Mordovia dialects: in 5 vol., Vol. 4, Saransk, p. 3–15.
4. Evsevjev, M. (1929) Basics of Mordovian grammar, Moscow.
5. Evsevjev, M. (1963) Selected Works in 5 vol., Vol. 4, Saransk.
6. Ermushkin, G. (1984) Areal research in the eastern Finno-Ugric languages, Moscow.
7. Ivanova, G. (2006) The system of vowels in the dialects of the Moksha language in historical perspective, Saransk.
8. Feoktistov, A. (1960) Mordovian languages and their dialects, Questions of ethnic history of the Mordovian people, Vol. LXIII, Issue 1, Moscow, p. 63–83.
9. Feoktistov, A. (1990) Dialects of Mordovian languages, in Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch, Bd.1, Helsinki, p. LXXI–LXXXVI.
10. Tsygankin, D. (1968) Classification of Erzya dialects of Mordovian Prisureya area, Essays on Mordovia dialects in 5 vol., Vol. 5, Saransk, p. 383–394.
11. Tsygankin, D. (1979) Phonetics of Erzya dialect, Mordovian University, Saransk.
12. Tsygankin, D. (2000) Mordovian languages through the eyes of a linguist-scholar, Saransk.
13. Tsyganov, N. (1959) On the classification of dialects of Erzya-Mordovian language, Proceedings of meeting on historical grammar and historical dialectology of Finno-Ugric languages, Moscow.
14. Cherapkin, I. (1930) Dialects of Moksha Mordovians of Former Penza region, Saratov University Academic notes, Issue 3, Vol. 8., Saratov, p. 19–31.
15. Feoktistov, A., Saarin, S. (2005) Mokšamordvan murteet, Helsinki.